

А. И. Комиссаренко *

**ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И ФИСКАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ
КРЕСТЬЯН ВЯТКИ В XVIII веке**

КРЕСТЬЯНЕ Вятской провинции были охвачены в XVIII веке интенсивными социально-экономическими процессами, которые при нарастании товарно-денежных отношений приводили к появлению не только имущественной, но и социальной дифференциации. Питательной средой для этого служила свобода торговли земельными участками – факт, довольно известный для русского Севера¹. При отсутствии на Севере земельной общины мобилизация земли регулировалась органами земского самоуправления в рамках волостной административно-общинной организации. Черносошные крестьяне распоряжались землей в гарницах волости и к тому же до начала XVIII в. «реализовывали свои участки, как правило, внутри одной сословной группы»². В последующее время крестьянские участки стали скупать городские жители, преимущественно купцы, приобретающие статус «деревенских владельцев».

Вятский край занимал обширный район северо-восточной части европейской России в бассейне реки Вятки и ее притоков – Лузы, Летки, Чепцы и др. Вятские уезды – Хлыновский, Котельнический, Орловский, Шестаковский, Слободской, Кайгородский, составили в 1719 г. Вятскую провинцию (до 1727 г. – Сибирской, затем Казанской губерний)³. В середине XVIII века в провинции проживало более 300 тыс. человек⁴.

Как и в Поморье, в Вятской провинции при долевом землепользовании издревле существовала свобода земельной мобилизации, которая в условиях активного развития товарно-денежных связей ускоряла процессы имущественной и социальной дифференциации. В земельных операциях участвовали крестьяне всех станов и волостей. Долевое землевладение, способствовавшее дроблению земельных участков, в результате широкого размаха операций по скупке и продаже земли резко повышало возможности экономически более сильной деревенской верхушки в концентрации в своих руках пахотных и сенокосных угодий. Укажем на конкретные проявления земельной мобилизации в среде вятского крестьянства. В 1739 г., например, Вятская крепостная контора зарегистрировала 106 сделок по продаже и закладе земельных участков. Из них в 79 случаях продавцами и «закладчиками» выступают черносошные крестьяне различных станов

* Комиссаренко Аркадий Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва).

¹ Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. СПб., 1884; Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVIII в. М., 1909–1912. Т. 1–2.

² Горская Н. А., Швейковская Е. Н. Общинная собственность в русской деревне XIV–XVIII вв. // Собственность в России. Средневековье и раннее новое время. М., 2001. С. 173.

³ Спицын А. А. Земля и люди на Вятке. Вятка, 1886. С. 26; Эмаусский А. В. Исторический очерк Вятского края в XVII–XVIII вв. Киров, 1956. С. 147.

⁴ Кабузан В. М. Народнонаселение России в XVIII – первой половине XIX века. М., 1963. С. 161.

(тяглых и оброчных) и волостей, в 27 записях продавцами оказались «деревенские владельцы» – вятские купцы (в основном хлыновцы)⁵.

В торговый оборот была втянута не только земля, но и крестьянская недвижимая собственность на ней. Такие сделки отмечены в 55 случаях из 79, т.е. в 69,8 %. Остальные 24 операции относились к продаже сенных покосов. Если рассматривать происхождение участников этих сделок, то прежде всего следует указать на жителей Филипповой слободки, обширной территории, лежащей в центре провинции и освоенной еще в середине XVII в.⁶ Группировка сделок по покупателям позволяет констатировать активное участие в них крестьян (85 сделок из 106, т.е. 80,2 %), жители Хлынова совершили 20 сделок (18,9 %), Орлова – одну сделку (0,9 %). Сопоставление этих статистических данных показывает важную роль крестьян (надо полагать, состоятельных) в скупке земли и недвижимости, в том числе у городских купцов – «деревенских владельцев». Так, 20 сентября 1739 г. купец из города Орлова Иван Мошкин продал крестьянину Орловского тяглого стана Гавриле Суторихину «сенной свой покос... в Орловском уезде в Нижнем лугу на Воробьевом острове». Тогда же богатый хлыновский купец Василий Гаврилов сын Мошковцев продал крестьянину Ильганской волости Степану Попову за 60 руб. «в деревне Шулеевской два свои пая со всяким строением... и с засеянным хлебом рожью... та деревня в Чепецком оброчном стану в Сморгаловской волости». При этом Степан Попов купил и живших в той деревне «45 половнических душ»⁷. 19 декабря 1739 г. хлыновский «посадский житель» – купец Андрей Коробов продал за 40 руб. крестьянину Истобенского оброчного стана Давыду Хорошавину «деревни половину свою...»⁸.

Если проанализировать состав крестьян-покупателей земли и недвижимости на ней, то можно заключить, что они представляли, в основном, те же станы и волости, что и крестьяне-продавцы (Филиппова слобода, Великорейкий, Березовский, Стенцынский, Чепецкий станы Хлыновского уезда, Спасская, Макарьевская волости, Бобинский тяглый, Ильганский станы Котельничского уезда, Чистянский оброчный стан Слободского уезда). Отсюда следует, что большинство земельных операций, если сопоставить группировки продавцов и покупателей, совершалось внутри крестьянского мира (исключая отдельные сделки между крестьянами и горожанами – «деревенскими владельцами»).

Что касается размеров продажных цен, то источники свидетельствуют, что более 80 % крестьянских торговых операций не превышали 10 руб., хотя отмечены единичные сделки и свыше этой суммы. Так, сделки в размерах от 15 до 20 руб. зафиксированы в 5 случаях (6 % от всего числа), 3 сделки (4,8 %) превышали 20 руб. Например, 19 ноября 1739 г. крестьянин Великорейского стана Андрей Балезин продал свой сенной покос «подле Великой реки» за 40 руб. крестьянину того же стана Прокопию Медведеву, а Абрам Зорин из Чепецкого оброчного стана выручил 55 руб., продав «деревни Палишиной половину свою» певчому Вятского архиерейского дома Михаилу Корчемкину⁹. Размеры же продажных цен по сделкам с посадскими людьми существенно превосходят крестьянские операции. Например, 80 % земель, проданных хлыновцами, стоили от 10 до 50 руб. Встречаются также сделки стоимостью свыше 100 руб. – в 200, 300 и даже 800 руб. Ука-

⁵ РГАДА. Ф. 620. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–114.

⁶ Филиппова слобода впервые отмечена в переписи 1676 года. См.: Богословский М. М. Указ. соч. Т. 2. Приложение. С. 20–30.

⁷ РГАДА. Ф. 620. Оп. 1. Д. 37. Л. 64, 110.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 110, 44.

жем некоторые из них. 25 июня 1739 г. хлыновский купец Борис Хохряков получил от продажи «деревни свои... Пихтовец, Нагорная, Заречная, Плутовская, Красносельская... со всяким строением» купцу города Слободского Виссариону Шмелеву 300 руб., а 20 ноября того же года хлыновец купец Иван Толмачев заплатил «посадскому жителю, а деревенскому владельцу» Михаилу Глухих 800 руб. за «деревню в Великорецком оброчном стану с хороиным строением с засеянным хлебом... с четырьмя санными покосами и одной мельницей»¹⁰.

По всей видимости, у крестьян были напряженные отношения с местным купечеством, перекупавшем крестьянские земли. В наказе в Уложенную комиссию 1767 г. государственным (черносошные) крестьяне Хлыновского уезда писали: «Деревенские владельцы, состоящие в купечестве... владеют немалыми пашенными землями и во многих местах около рек – санными покосами, а хлебопашества имеют и работы всякие... исправляют написанными на тех землях государственными черносошными крестьянами... иные (крестьяне – А. К.) от крестьянства бегут... под заклады за малые деньги, а потом вовсе... закрепляют за собой... а те беглые крестьяне по безгласию своему принуждены жить у своей братии крестьян на их землях и хлеб пахать из половины прибыльного...». Крестьяне требовали от Уложенной комиссии «кои... пашенные земли и санные покосы в их владении состояли донныне, то б... отобрать (у «деревенских владельцев»-купцов – А. К.), а отдать в вечное владение крестьянству...»¹¹.

Трудовая деятельность населения Вятки с начала XVIII в. протекала в условиях тяжелого податного гнета. С точки зрения правительственной администрации личность крестьянина была важна только в плане исправного платежа податей¹². Введение государственной властью подушного обложения (1718–1724 гг.) сопровождалось усилением административного и финансового прессы. Наблюдавшая за ходом переписи команда гвардейских солдат во главе с Петром Жулебиным грозила «цепями» даже вятскому воеводе И. В. Воронцову за медлительность в подаче «сказок». Еще с 1706 г. вятские крестьяне обязаны были платить в государственную казну по 1 руб. с выти на содержание ямских станций на новом тракте Санкт-Петербург – Москва. Со всего податного населения вятских уездов тогда же стали взимать 1408 рублей 8 алтын 3 деньги на обмундирование Устюжского драгунского полка, по полтине с каждого двора – за непоставку даточных людей, а также на покупку провианта для крепостных гарнизонов и «строение фузей и пистолей» и др. цели¹³. Ведомость комиссара Гордея Тряпицына о сборе «окладных и запросных денег» (1724 г.) свидетельствует о постоянном росте собираемых с населения (перимуществом с сельского) денежных сумм. Так, в 1720 г. они составляли 4468,4 руб., а в 1723 г. – более 10210 руб.¹⁴

О характере фискальных повинностей податного населения Хлыновского дистрикта можно судить по ведомости комиссара Г. Тряпицына, составленной в начале 1724 г. Им учтен сбор с дистрикта «окладных и запросных денег». В 1720 г. оклад был определен в 4468,4 руб., в 1721 г. – в 9948,93 руб., а в 1723 г. – в 10210,39 руб. Только в 1722 г. он составил 6998 руб, несколько нарушив динамику роста, но все-таки превышал данные исходного 1720 г. более чем в полтора раза. Из 31625,73 руб. оклада за 1720–1723 гг. реально было собрано только

¹⁰ РГАДА. Ф. 620. Оп. 1. Д. 37. Л. 58, 111.

¹¹ Сб. РИО. Т. 115. С. 222–230.

¹² Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 154. Л. 208, 342–342 об., 713, 760, 769–769 об., 848, 1007.

¹⁴ Там же. Ф. 425. Оп. 2. Д. 16. Л. 47–47 об.

27,6 тыс. руб., остальные 4 тыс. руб. оказались в недоимке. Она объяснялась провинциальными властями «пустотою» дворов, т.е. уменьшением числа плательщиков вследствие побегов крестьян. Из-за этой «пустоты» власти не могли добрать 2167 руб., остальной недобор объяснялся ими «скудостью» крестьян¹⁵.

После проведения первой ревизии «податных душ» сбор подушных денег был поручен армейским офицерам Ингерманландского и Астраханского полков: к первому «приписали» 82316 душ м. п. с окладом 60673 руб., ко второму – 36619 душ м. п. с окладом 26000 руб.¹⁶ Эти суммы превышали платежные возможности крестьян. В 1724–1727 гг. недобор нередко достигал 50 % оклада, а к 1731 г. превысил его, составив 109402 руб.¹⁷ Злоупотребления армейских чинов при сборе податей, вызывавших «великую скудость» крестьянства, заставили верховную власть изменить систему пополнения казны. 30 апреля 1727 г. указом из Главной Провиантской конторы вятскому воеводе майору Наумову объявлялось решение Верховного Тайного совета пердать сбор подушных денег в ведение воеводской администрации, освободив тем самым офицеров армейских полков от этой обязанности¹⁸.

Вторая ревизия (40-е гг. XVIII в.) учла в Вятской провинции 145453 души м. п., положенных в подушный оклад (из них около 108 тыс. душ м. п. – государственные крестьяне). Общий годовой сбор должен был равняться 146539 руб. 40 коп., однако собрать эту сумму практически никогда не удавалось. За 1724–1750 гг. недоимка достигла 369948 руб. 14 коп., превысив в 2,5 раза окладную годовую сумму.

Как видно из росписных списков вятских воевод А. Писарева (1743–1745 гг.), Н. Чемодурова (1745–1746 гг.) и И. Постельникова (1747–1750 гг.), рост недоимок был связан, наряду со «скудостью» части крестьян, с начавшимися волнениями жителей многих станов и волостей, считавших себя «черносошными», но насильственно приписанных к монастырским и архиерейским вотчинам. Немало из них, несмотря на то, что «...неплательщиков бьют батоги и содержат... в колодках», «покиня дома свои впусе, бегают и укрываютца»¹⁹. Монастырские и архиерейские крестьяне, составлявшие на Вятке почти четверть сельского населения, фактически находились на положении половников и жили из «приполонного половинного хлеба». По офицерской описи подпоручика Смоленского пехотного полка Ивана Мохова, составленной в связи с подготовкой правительства секуляризации духовных имений в конце 1763–1764 гг., в пользу Вятского Успенского Трифонова монастыря крестьяне уплачивали ежегодно: окладных денег – 9954 руб. 60 коп., неокладных – 85 руб. 43 коп., окладного хлеба – свыше 4078 четвертей ржи, овса и ячменя, неокладного – свыше 1600 четвертей хлеба и других продуктов²⁰.

Сборам фискальных денег сопутствовали массовые насилия со стороны властных структур. Воинские командиры, старосты считали принуждение необходимым средством получения от крестьян денег. В ход шли батоги, людей заковывали в колодки, морили голодом, неделями содержа в станových избах. Нередко использовались и воинские команды. Так, квартировавшая с 1749 г. в с. Нолинском воинская «сыскная команда» не только буквально выколачивала из крестьян подушные сборы, но и требовала от них продовольствие и фураж (по 1 копне с

¹⁵ РГАДА. Ф. 425. Оп. 2. Д. 16. Л. 47–47 об.

¹⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 368. Л. 71 об.–72.

¹⁷ Там же. Ф. 425. Оп. 1. Д. 27. Л. 768–769.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 137–139.

¹⁹ Там же. Д. 178. Л. 85–86.

²⁰ Тр. ВУАК. Вятка, 1906. Вып. V–VI. С. 396–444.

души м. п.). Не отставали от военных и представители волостной администрации. В 1764 г. Вятская провинциальная канцелярия вынуждена была обратить внимание на действия старосты с. Тохтинского Орловского уезда Моисея Берсенева, который явившись в дом к крестьянину Н. У. Китову, находившемуся в «отхожем промысле», избил палкою «до смерти» за неуплату подушных денег его жену Ненилу. Оскорблениям и насилиям подвергались и другие крестьяне села²¹.

Помимо государственной подати, с крестьян брали деньги на различные земские нужды (содержание волостного аппарата, исправление дорог, гатей, мостов, перевозов и т. п.). Сохранившаяся приходо-расходная книга земских сборов 1734 г. фиксирует их уплату в сумме 505 рублей 11 алтын 4 денег с 2889 дворов по 35 волостям всех станом (оброчных и тяглых) Хлыновского уезда. Деньги поступили в распоряжение уездного земского старосты Якова Кириллова сына Малова²². Кроме того, ежегодно собирались деньги «по мирскому разводу» на ямскую гоньбу. В 1734 г. ямской староста Семен Кононов обложил на эти цели каждый крестьянский двор сбором в 2 алтына 4 деньги. Значительная часть денег оседала в карманах местных чиновников в виде «подарков», «почестей» и просто взяток. Древний обычай «кормов» продолжал существовать и в условиях абсолютистской России, испытывавшей воздействие модернизационных процессов «просвещенной» Европы. Расходная книга земского старосты Я. К. Малова содержит, к примеру, такие записи: «734 году января 1 дня ходил во двор к воеводе Михаилу Ивановичу Чернавских поклонница за Ново год, неся ему в почесть хлеба на 10 денег, 2 кур русских, дано 3 алтына, гуся живого, дано 6 алтын 4 деньги, меду-патоки 4 пуда...», а 4 января жена воеводы Ульяна Ивановна получила «подарок» – 100 шкурок белки. 15 января воевода устроил торжественный обед, который обошелся земскому старосте из крестьянских денег в несколько рублей. Всего с января по июнь 1734 г. земский староста посетил воеводу 52 раза и каждый раз приносил ему «подарки», приобретенные на собранные с крестьян земские деньги. Из этих же денег платили и жалованье подьячим воеводской канцелярии. Так, в 1734 г. подьячему Александру Кононову было выплачено 60 руб. «Подарки» и деньги получили провинциальный секретарь Иван Яковлевич Кудрявцев, находившиеся в Хлынове полковник Яков Чемодуров и поручик Карлейский²³. Характеризуя злоупотребления бюрократического аппарата России XVIII в., академик Ю. В. Готье отмечал, что чиновничество «на занимаемое место по вековой традиции... смотрело как на средство покормиться, как на случай поправить собственные дела»²⁴.

Немало обид испытывали крестьяне от всевозможных откупщиков, беззастенчиво обиравших их. В 1773 г. взявший на откуп поставку подвод в город Хлынов для распределения их по ямским станциям «черносошный» (государственный) крестьянин Иван Санников самовольно установил сбор с экономических (бывших монастырских и архиерейских) крестьян по 10, а затем по 15 коп. с души м. п. и активно собирал эти деньги, невзирая на протесты жителей экономических вотчин²⁵.

²¹ РГАДА. Ф. 550. Оп. 1. Д. 146. Л. 70.

²² Там же. Ф. 248. Кн. 1105. Л. 866–914.

²³ Там же. Л. 118–125 об., 879 об.–883.

²⁴ Готье Ю. В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. I. С. 236, 240, 466. О кормлениях воевод в XVII в. см.: Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке. СПб., 2000. С. 167–207.

²⁵ РГАДА. Ф. 280. Оп. 1. Д. 10607. Л. 1–3.

В целом задолженность крестьян государственной казне стала хронической. К концу XVIII в., в 1783–1786 гг. недоимки по вятским уездам достигли 290 тыс. руб. при ежегодном окладе населения Вятской губернии в 577993 руб. 34 коп. Значительная доля ее (79,3 %) лежала на государственных крестьянах, 13,7 % – на экономических крестьянах, 7 % – на крестьянах, несших «ландмилицейскую» службу. Одной из причин, усугубивших недоимку, явились общегосударственный неурожай и голод, поразившие Россию в 80-е гг. XVIII в., что и отмечал вятский губернатор кн. И. С. Мещерский²⁶.

Конечно, можно согласиться с мнением авторитетного специалиста в области государственной фискальной политики А. М. Мацука, который в новейшем своем исследовании этой проблемы в рамках XVII в. убедительно показал, что «феодалная эксплуатация черносошных крестьян... в системе государственного феодализма была насущной необходимостью и вызывалась интересами развития государства»²⁷. Это положение вполне применимо и к истории фискальной политики абсолютистского режима имперской России XVIII столетия.

Таким образом, заключая вышеизложенное, можно утверждать, что несмотря на то, что земли, удобной для пашни и посевов, было мало из-за значительной лесистости Вятского региона (в первой половине XIX в. из имевшихся в Вятской губернии 14 млн десятин земли 10 млн занимали леса, около 3 млн десятин использовалось под пашню и 500 тыс. десятин составляли луга)²⁸, она, вследствие долевого землепользования и отсутствия до конца XVIII в. земельной общины, активно включалась в товарный оборот, продавалась внутри административно-волостной общинной организации. Продавцами и покупателями выступали как сами крестьяне, так и состоятельные горожане – вятские купцы, имевшие статус «деревенских владельцев». Земельная мобилизация стимулировалась развивавшимися товарно-денежными отношениями, функционированием вятского хлебного рынка и вывозом сельскохозяйственной продукции в поморские города и через Архангельский порт за границу. Этот процесс деформировал однородность волостной общины, формируя в крестьянстве особые социальные страты – полоников, срочных работников.

Крестьянские миры испытывали со стороны абсолютистского государства фискальный пресс. С введением в 20-х гг. XVIII в. подушного обложения произошла нивелировка вышеназванных страт в несении фискальных повинностей. Крестьянское население было поставлено в жесткие условия, заставлявшие его изыскивать разными способами денежные средства для уплаты государственных податей и оброчных сборов, а также земских налогов. Они во многих случаях превосходили платежные возможности крестьянского хозяйства, что привело к хроническим недоимкам и возрастающей к концу века задолженности перед государственной казной. Частые неурожаи и «голодные годы» усугубляли ее еще больше. Из этого видно, что на Вятке в XVIII в. крестьянство находилось в противоречивых условиях, вызываемых особенностями модернизационных процессов, затронувших европейский Север России. В системе государственного феодализма назревали кризисные явления, по мере нарастания которых с конца XVIII – первой половины XIX в. произошел ее окончательный распад.

²⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 725. Ч. II. Л. 243–287 об., 487 об.

²⁷ Мацук М. А. Фискальная политики Русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век). Сыктывкар, 2007. С. 68.

²⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18687, 18688 – Военно-статистическое обозрение Вятской губернии поручика Коведяева.